

Научная статья
УДК/UDC 343.2
DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-125-133

Причины воспроизводства преступности и их преломление в Республике Дагестан

Д. М. Гаджиев

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Российская Федерация
dmgadzhiev@yandex.ru

Аннотация. Общие причины преступности в Республике Дагестан в рассматриваемый период – это коррупция, взяточничество, резкое снижение жизненного уровня населения, падение общественной нравственности, правовой нигилизм, охвативший общество и властные структуры на всех уровнях, и подрыв правопорядка. Причины преступности: 1) противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя; 3) противоречие между глобально-американизированной «олигархией» (воробогачеством) и суверенными цивилизациями. Третье противоречие в преломлении глобального в российское возникает между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения.

Ключевые слова: коррупция, безработица, социальное неравенство, клановость, противоречия, экстремизм, терроризм.

Для цитирования: Гаджиев Д. М. Теоретико-правовые аспекты права на анонимность в сети Интернет // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44, № 4. С. 125–133. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-125-133

Original article

The causes of reproduction of crime and their refraction in the Republic of Dagestan

Datsi M. Gadzhiev

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russian Federation
dmgadzhiev@yandex.ru

Abstract. The common causes of crime in the Republic of Dagestan during the period under review are corruption, bribery, a sharp decline in the standard of living of the population, a decline in public morality, legal nihilism that has engulfed society and government structures at all levels, and the undermining of law and order. Causes of crime: 1) the contradiction between poverty and openly stolen wealth from the people in the absence of the middle well-to-do stratum; 3) the contradiction between the globally Americanized "oligarchy" (vorobogachestvo) and sovereign civilizations. The third contradiction in the refraction of the global into the Russian arises between the government, merged with the "oligarchy", and the majority of the population.

Keywords: corruption, unemployment, social inequality, cronyism, contradictions, extremism, terrorism.

For citation: Gadzhiev D. M. The causes of reproduction of crime and their refraction in the Republic of Dagestan. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 44, no. 4, pp. 125–133. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-44-4-125-133 (In Russ.).

До настоящего времени причины и условия, способствующие совершению преступлений, – это одна из центральных проблем криминологии, в том числе и региональной.

Факторы преступности в Дагестане имеют свою специфику, основанную, в том числе, на этнополитических и культурно-исторических особенностях, а также соционормативных установках, традициях и обычаях, которые регулировали поведение горцев в конфликтных и иных ситуациях [2, с. 76]. Дагестанская преступность характеризуется клановостью, родственной сплоченностью в совершении корыстных и насильственных преступлений, обеспечивающей относительную безнаказанность при их совершении и круговую поруку в случае пресечения. Моноэтнический состав пре-

ступных групп – своеобразная гарантия поддержания конспирации преступной деятельности.

В дореволюционный период, когда территория Дагестана находилась в вассальном состоянии по отношению к Российской империи, поддерживались определенные элементы юридической автономии. В том числе это касалось норм обычного права (адатов), регламентировавших компенсационные последствия совершения преступления (выплату денежной суммы в пользу потерпевшего от преступления или его семьи). Причины преступности горцев видели в «кровожадном характере». Почти все дореволюционные авторы приписывали горцам Северного Кавказа врожденную склонность к разбою, что подчеркивало их биологическую предрасположенность к преступлениям [3, с. 54].

Колониальная политика царизма была направлена на поддержку реакционных адатов. В целом такой подход имел органическую связь с теориями Ч. Ломброзо и Э. Ферри, отстаивавшими наличие особых признаков биологического характера, обуславливающих генезис преступного поведения [4, с. 130].

В советской криминологии эти взгляды подвергались критике, поскольку само существование преступности полагалось конечным и обусловленным дефектами несправедливого социального устройства. Соответственно, причинный комплекс преступности обосновывался социально-экономическими условиями и пороками сознания лиц, совершающих преступления [5, с. 7; 6, с. 54].

В поздний советский и постсоветский периоды детерминация преступного поведения стала раскрываться преимущественно на основе социальных противоречий, обострение которых может приводить к увеличению массива общественно опасных посягательств [7, с. 10; 8, с. 9; 9, с. 11]. В их числе актуальными для всего российского общества оказались аспекты, связанные с социальным расслоением, ростом количества финансово неблагополучных лиц, наличием межконфессиональной, национальной и социальной неприязни. В немалой степени они оказывают воздействие на социальную реальность Республики Дагестан, особенно во взаимосвязи с дотационным характером ее экономики. Дотации направлены на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ, и эта практика продолжается уже достаточно много лет, что показывает неэффективность единоличных усилий региональных властей по экономическому оздоровлению жизни в Республике Дагестан.

Проблема причин преступности относится, по справедливому замечанию Г.А. Аванесова, к категории «вечных» [10, с. 67]. Немаловажной здесь является и самодетерминация, обеспечивающая стабильное воспроизводство преступлений [11, с. 5].

В.Н. Кудрявцев, вклад которого в развитие теории криминологической причинности трудно переоценить, писал: «При системном подходе причины правонарушений выступают как рассогласования (противоречия) внутри следующих систем: общество, класс, коллектив, малая социальная группа, а также и как противоречия между этими системами (подсистемами)» [12, с. 84]. И эта иерархия противоречий обуславливает воспроизводство преступности, которое имеет место на фоне недостатков системы противодействия ей и влияния сопутствующих факторов (социально-политическая нестабильность, коррупционные проявления, межэтническая напряженность и др.).

Я.И. Гилинский отмечает, что совершение преступлений как социальное явление порождается социальным неравенством [13, с. 164]. Социальное неравенство в современной России можно назвать

значительным; эта негативная тенденция сложилась одновременно с проведением рыночных реформ, и до настоящего времени сохраняет влияние на состояние преступности.

Проф. Н.Ф. Кузнецова исследовала влияние на преступность социально-экономических процессов, протекавших в советском обществе [14, с. 20]. Как известно, недостатки командно-административной системы управления экономикой привели к возникновению дефицита товаров народного потребления, доступ к которым, в свою очередь, заложил основу для будущего социального расслоения, ставшего фундаментом причинного комплекса преступного поведения.

Б.В. Волженкин подчёркивал, что отрицательные социальные качества личности (антисоциальная установка, нравственная противоречивость, неустойчивость) являются главной причиной преступления [15, с. 82]. Данный тезис справедлив применительно к причинам конкретного преступления, однако он не согласуется и с теорией социальных противоречий.

В целом тезис о том, что сущностью причин воспроизводства преступного поведения являются социальные противоречия, представляется вполне убедительным. В его основе находятся суждения Э. Дюркгейма о том, что существование преступности – нормальное явление, что она представляет собой определенную социальную функцию, неотъемлемую часть общества и «не только предполагает наличие путей для необходимых перемен, но в некоторых случаях прямо подготавливает эти изменения» [16, с.39].

Как отмечает проф. Д.А. Шестаков, основательно разработанная теория причинности представляет собой отличительную черту российской, советской криминологии [17, с. 88]. Видимым отличительным достоинством российской криминологической теории причинности является то, что исследование причинных связей, ведущих к совершению преступлений, не ограничивается сферами индивидуальной психологии человека, совершающего преступление, и взаимодействия этого человека с его непосредственным окружением, но распространяется также на макросоциальные явления и процессы, что в зарубежной криминологии отмечается только в отдельных частных криминологических теориях (социальной дезорганизации, стратификации) но не приобретает характера общей теории причинности, которая увязывала бы объяснение конкретных криминологических феноменов (корыстные преступления, внутрисемейные преступления, виктимность тех или иных слоев населения) с общесоциальной проблематикой.

В криминологии детерминанты преступного поведения классифицировались по различным критериям: на объективные и субъективные, на причины и условия, на полную и специфическую причины, на причины разных социальных уровней функ-

ционирования, на причины, корнящиеся в различных сферах общественной жизни. Каждая из этих классификаций позволяла высветить те или иные стороны воспроизводства преступлений [18, с. 247].

Лишь понимание преступности как свойства общества порождать преступления позволяет в новом свете увидеть её структуру, действительно состоящую из взаимосвязанных подсистем и элементов.

Парадигма механизма массового воспроизводства преступлений, как отмечает проф. Д.А. Шестаков, дает исследователю конкретного вида преступного поведения инструмент, с помощью которого это поведение раскрывается во взаимосвязи не только со сформировавшей преступника средой (что характерно для так называемого интеракционистского подхода (Э. Лемерт и др.) и спровоцировавшей преступление конкретной жизненной ситуацией, но также с противоречиями общества в целом [19, с. 15].

Вследствие множественных просчетов при проведении социально-экономических преобразований в начале постсоветского периода «главным генератором социальных болезней» в России стало государство [20, с. 51]. В современной России, обосновывает Д.А. Шестаков, действует три основных причины воспроизводства преступности: 1) противоречие между потребительством и духовностью, проявляющееся в ослаблении национальной идеи; 2) противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя; 3) противоречие между глобально-американизированной «олигархией» (воробогачеством) и суверенными цивилизациями. Третье противоречие в преломлении глобального в российское возникает между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения [1, с. 13].

Выявление причин преступности позволяет высветить недостатки в механизме функционирования власти, которые могут порождать регресс общества, серьезно затормозить реформы, прогрессивные преобразования в стране и, в конечном счете, привести к дестабилизации обстановки.

В Республике Дагестан условиями, способствующими расширенному воспроизводству преступности, выступают коррупция, огромный разрыв в доходах граждан, безработица, распространение идеологии крайнего течения в исламе; расширение пособнической базы экстремизма и терроризма; организованное внедрение асоциальной и криминальной субкультуры, которая насаждается через интернет и телевидение. При этом молодежь воспринимает эти сюжеты как модель поведения в схожих ситуациях.

Общероссийские детерминанты преступного поведения, основанные на социально-экономических противоречиях, оказывают негативное воздействие на криминогенную обстановку

во всех регионах. Дагестан, как и иные регионы РФ, находится в сфере их влияния, вследствие чего региональная преступность носит выраженный корыстный характер. Социальное неравенство, продуцирующее преступные посягательства в большинстве субъектов РФ, уже было предметом научных исследований [21, с. 34]. Разделяя высказанную точку зрения, отметим, что воспроизводство региональной преступности напрямую связано с обстоятельствами, детерминирующими криминогенную обстановку на территории всей страны. Механизм противодействия преступности во всех регионах идентичен; кроме того, социально-экономические отношения в России являются относительно унифицированными.

Факторы преступности в Дагестане имеют свою специфику, основанную, в том числе, на этнополитических и культурно-исторических особенностях, а также соционормативных установках, традициях и обычаях, которые регулировали поведение горцев в конфликтных и иных ситуациях. У народов Кавказа исторически сформировался ряд обычаев, сохранивших свое действие до настоящего времени. В ходе эволюции этих обычаев произошло их разграничение на правовые, известные под названием «адат», и неправовые, несущие, в первую очередь, морально-этические правила. В этой связи можно заключить, что определенное влияние на воспроизводство преступности в Республике Дагестан оказывают особенности этнического менталитета, сопряженные с неправильным, искаженным восприятием исторически сложившегося культурного кода.

В начале 90-х годов XX в. социальная обстановка в Республике Дагестан осложнилась рядом обстоятельств. Ликвидация колхозов и совхозов, криминальная приватизация, распродажа имущества предприятий по бросовым ценам, которую получила партийно-хозяйственная номенклатура и представили организованной преступности, а также беспрецедентная безработица, подвигли дагестанцев к выживанию. На фоне этого произошел беспрецедентный рост бытовой коррупции, проявления которой оставались практически безнаказанными [22, с. 161]. В частности, была установлена соответствующая плата за получение справки об инвалидности, поборы и взятки за обучение в вузах и школах. Массовыми стали поборы в здравоохранении и других сферах общественной жизни. В силу обоюдной выгоды принимаемых на возмездной основе незаконных решений у населения сформировались элементы толерантности к сложившейся практике. Соглашаясь с суждением о том, что первопричина коррупции тесно связана с сущностью государства [23, с. 68], отметим, что масштаб бытовой коррупции, сложившейся в республике тридцать лет назад, оказался настолько серьезным, что меры по ее полной нейтрализации не реализованы до настоящего времени (так, в 2019 г. по результатам проверок, инициирован-

ных Генеральной прокуратурой РФ, было выявлено более 350 нарушений антикоррупционного законодательства, связанных, в частности, с замещением должностей при наличии родственных отношений с непосредственными руководителями [24, с. 72]).

После распада СССР ключевые посты, как на уровне республики, так и на уровне районов и городов, стали занимать бывшие партийно-советские работники, их близкие, представители состоятельных кланов и лица с криминальным прошлым. Постепенно проходила монополизация этой сферы без учета профессиональных, деловых и нравственных качеств претендентов. Предложения об опубликовании в СМИ сведений о кадровом составе республиканских и местных органов власти так и остались нереализованными. Расстановка кадров органов власти из числа представителей влиятельных кланов способствует консервации имеющихся просчетов и недостатков в управленческой деятельности, поскольку приоритет их усилий направлен на укрепление собственных позиций. Влияние менталитета дагестанцев на развитие преступности в регионе уже было предметом научных исследований [25, с. 7], и нужно отметить, что социопсихологические особенности многонационального дагестанского этноса действительно играют определенную роль в воспроизводстве всех видов преступлений.

Причинный комплекс коррупционных деяний характеризуется широким спектром детерминант.

К причинам проявлений коррупции нами отнесены следующие*.

1. Противоречие между потребительством и духовностью, которая ведет к ослаблению национальной идеи.

2. Противоречие между бедностью и украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного класса.

3. Противоречие между властью, слившейся с олигархией, и большинством населения.

4. Борьба кланов за доступ к власти и бюджетным средствам.

Дополнительными причинами коррупционных проявлений выступает ряд следующих факторов.

1. Искаженное представление государственных и муниципальных служащих о коммерческом характере своей деятельности.

2. Социально-экономическое неравенство, расслоение общества на очень богатых и крайне бедных, низкий уровень правосознания

3. Практика замещения должностей на основании личной преданности (обеспечивает надеж-

ную круговую поруку и укрывательство неблагоприятных поступков членов «своей команды»).

4. Отсутствие четкого контроля со стороны надзирающих и контролирующих органов за расходованием средств, выделенных на крупные приоритетные программы.

5. Отсутствие независимых специальных служб, которые осуществляли бы финансовый и иной государственный контроль при проведении выборов или конкурсов на занятие определенной должности в органах государственной власти.

Коррупционные проявления в значительной степени обуславливают воспроизводство преступности в Республике Дагестан, затрагивая почти все ее уровни. Помимо учтенной преступности, они воздействуют и на динамику латентных посягательств. Результаты противодействия коррупции, к сожалению, не соответствуют ее масштабам [26, с. 247].

После разрушения советской системы общественных отношений образовался идеологический вакуум, который стал успешно заполняться исламскими ценностями, в том числе и крайне радикальными.

Внутри республики сформировалась серьезная дестабилизирующая сила – последователи религиозного экстремистского течения «ваххабизм». Действуя в условиях конспирации, они как активные пособники бандформирований представляют потенциальную угрозу безопасности граждан и конституционному строю республики. Пособники НВФ осуществляют закупку продуктов питания, одежды, съем жилья, перевозят членов НВФ, устанавливают домашние адреса сотрудников правоохранительных органов и их автомашин.

Религиозные деятели стали активно вмешиваться в светскую жизнь. В отдельных селах Дагестана религиозные общины принимали участие в решении земельных вопросов, брали на себя функции администрации села и других официальных органов. При победе глав администраций районного и сельского уровня в связи с их поддержкой представителями духовенства вновь избранные главы администраций давали письменные обязательства о прямой поддержке ислама и выполнении всех предложений религиозных деятелей (дибира или имама мечети). Тем самым избранное должностное лицо попадало в зависимость, происходило открытое вмешательство религиозных деятелей в сферу полномочий органов местного самоуправления.

В Дагестане 90-е годы прошлого века в СМИ произошла героизация бандитов, выражавшаяся в скрытом или даже явном одобрении криминальной агрессии. В целях пресечения этого преслужба президента и правительства Дагестана просила СМИ не героизировать боевиков, совершающих самоподрывы. «Во избежание излишней героизации террористических методов борьбы с вла-

* Шестаков Д.А. О многоэтажности преступности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mnogoetazhnosti-prestupnosti/viewer> (дата обращения: 10.07.2020). Позиции 1-3 сформулированы Д.А. Шестаковым.

стью посредством самоподрыва, просим вас вместо слов «шахид» или «смертник» использовать термин «террорист-самоубийца» или просто «самоубийца»», — говорится в сообщении, распространенном по республиканским и федеральным СМИ пресс-службой президента и правительства республики*.

Обобщение информации о совершении террористических актов на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, показывает, что их основными причинами выступают:

- 1) ослабление оперативно-розыскной деятельности органов МВД и ФСБ;
- 2) коррупция, которая проникла во все сферы жизнедеятельности общества;
- 3) отсутствие системы мер тактического, стратегического и координационного характера по ликвидации террористов;
- 4) беспечность граждан, отсутствие предельной сплоченности со стороны институтов гражданского общества по противодействию терроризму, которые в настоящее время находятся на этапе становления;
- 5) значительная нагрузка на участковых уполномоченных полиции (до 4 тыс. человек на территории обслуживания);
- 6) неудовлетворительный контроль за лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, где происходит их вербовка в НВФ, а также вернувшимися из мест лишения свободы;
- 7) ослабление оперативного контроля за внутренними и внешними миграционными потоками в республике;
- 8) непрофессионализм и неиспользование потенциала существующей нормативной базы, что формирует у населения негодование в отношении правоохранительных органов;
- 9) распространение идеологии и практики крайнего течения в исламе (ваххабизма);
- 10) снижение джамаатского (общественного) осуждения терроризма со стороны старшего поколения дагестанцев.

Коррупционированность местных властей, правоохранительных органов, социальная напряженность, межэтническое и межклановое противостояние приводят к росту недовольства в широких слоях населения и зачастую подталкивают отдельных лиц к противоправным действиям, в том числе выражающимся в террористических и экстремистских проявлениях, способствуют количественному и географическому разрастанию банддвижения. В свою очередь, преступления, совершаемые этническими группами в других регионах России, зачастую имеют корыстный характер, совершаются в целях получения наживы, связаны с установлением преступными группами определенной террито-

рии криминальной деятельности. Преступления, совершаемые этническими ОПГ, могут быть связаны с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, нападениями на граждан и организации в целях завладения их имуществом.

Широкая и устойчивая эскалация терроризма на Северном Кавказе обусловлена комплексом не только внутренних, но и внешних факторов: на протяжении всей истории Северного Кавказа в составе России его общество оставалось приверженным традиционализму, а территория являлась важной с геостратегических позиций [27, с. 201]. Как указывает Л.Х. Батагова, кризис всех сфер жизни, охвативший большинство регионов РФ в конце XX столетия, на Северном Кавказе принял наиболее острый и конфликтный характер, вследствие которого были вызваны к жизни северокавказский «этнический» и «религиозный» ренессанс, включающий комплекс архаичных явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, а также действие глубинных причин и факторов, способствующих проявлениям сепаратизма, национального шовинизма и религиозного фундаментализма, что привело к всплеску насилия [28, с. 3].

Одной из основных причин, способствующих распространению наркомании, является наличие в республике достаточной сырьевой базы для их незаконного производства. Прежде всего, это наркотики растительного происхождения, доля которых в незаконном обороте составляет более 95%. Весомую долю составляют наркотики, которые завозятся в республику из Азербайджана, Чеченской Республики, Таджикистана.

Другими причинами, способствующими воспроизводству преступности в Республике Дагестан, являются этнопсихологические особенности дагестанцев, круговая порука и противодействие органам власти в выдаче лиц, совершивших преступления. Минимизация влияния этих факторов в современный период представляется исследователям невозможной [29, с. 10].

Общие причины преступности в Республике Дагестан в рассматриваемый период – это коррупция, взяточничество, резкое снижение жизненного уровня населения, падение общественной нравственности, правовой нигилизм, охвативший общество и властные структуры на всех уровнях, и подрыв правопорядка. При отсутствии определенной идеологической направленности многие средства массовой информации, культивируя жестокость, насилие, вседозволенность, крайние формы индивидуализма, подрывали уважение к закону. В то же время на низком уровне находится позитивное правовое информирование населения.

В условиях новой геополитической ситуации Дагестан превратился в южный форпост России и – одновременно – стал в центре экспансии экстремистской деятельности из-за рубежа. Отношения между многочисленными этническими группами являются одной из уязвимых сфер общественных

* Власти Дагестана просят СМИ не героизировать бандитов, совершающих самоподрывы. URL: <http://www.moidagestan.ru/news/antiterror/33942> (дата обращения: 21.06.2017).

отношений [30, с. 18], поэтому в условиях напряженности она оказалась в высшей степени подверженной криминогенному влиянию. В целях решения социально-экономических проблем Северного Кавказа в 2010 г. был создан Северо-Кавказский федеральный округ. Республика Дагестан как наиболее крупная его часть нуждалась в оптимизации управления, однако ее темпы оставались невысокими. В 2013 г. постановлением Правительства РД была принята программа «обеления» экономики, однако до настоящего времени ее реализация не завершилась. Это создает дополнительные внутренние риски криминализации общественных отношений в регионе.

К началу 2000-х годов Дагестан был самой отсталой экономической зоной России [31, с. 80]. Как известно, бюджет республики на протяжении ряда лет составлял 16–20 млрд. руб. и на 80 % состоял из дотаций федерального центра. В республике крайне высокий уровень неформальной экономики – в 2005 г. 51% населения был занят в неформальном секторе. Доля убыточных предприятий составляла более 50%. В 2015–2019 г. определенное возрождение завершилось в аграрных отраслях экономического сектора и – отчасти – в нефтяной промышленности.

Последняя стала одним из объектов, притягательных для криминального бизнеса. В Дагестане сегодня действует 40 нефтеперерабатывающих заводов (больше, чем в Тюменской области). Отводы с «врезкой» доходят на десятки километров от магистрального нефтепровода. Суммарная прибыль криминалитета оценивается на сотни млрд рублей и угрожает национальной безопасности России.

Субъективные причины совершения преступлений кроются в сознании людей и определяются их психологической готовностью совершить преступление. Локальное развитие основывается на сложившихся обычаях и традициях [32, с. 127]; однако, к сожалению, вследствие существенного негативного воздействия социальных факторов население Республики Дагестан длительное время находится в условиях напряженности. Это порождает и криминальную агрессию, темпы роста которой с трудом поддаются контролю, и формирование мотивации к совершению преступлений корыстной направленности.

Определенный интерес представляет опрос населения, который был проведен в городах и районах республики. Так, на вопрос «Как бы Вы оценили в целом деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по борьбе с преступностью?» ответы распределились следующим образом: весьма значительна – 8,7 %; мало значительна – 72,1 %; затрудняюсь ответить – 15,1 %; иное мнение – 4,1 %. В Республике Дагестан, где население составляет 3,1 млн. человек, а рождаемость является одной из самых высоких в России (4-е место)*, столь низкий уровень доверия к правоохранительным органам требует скорейшего изменения.

Учитывая складывающуюся ситуацию, на наш взгляд, усилия органов власти следует сосредоточить на следующих направлениях. Необходимо создать межведомственные центры по идеологическому обеспечению реформ и противодействию преступности. Такие попытки уже предпринимаются. При Главе РД создан Совет доверенных лиц для обеспечения постоянной связи с жителями республики. Требуется улучшить профилактическую работу с молодежью, судимыми лицами, поскольку ими вновь совершается весьма значительная доля преступлений, и они составляют основной костяк НВФ. Следует усилить государственный, муниципальный и общественный контроль за денежными средствами, выделяемыми на целевые программы, бюджетными средствами, так как они слишком часто путём различных манипуляций оказываются расхищенными.

В заключение представляется возможным сделать вывод о том, что основу механизма воспроизводства преступности в Республике Дагестан за охваченный исследованием период времени составляют детерминанты, сложившиеся после распада СССР, а именно: разрушение нормальной системы экономических отношений, не замещенной рыночными экономическими механизмами, социальное неравенство и обнищание значительной части населения, негативное влияние представителей отдельных кланов этносоциума, базирующееся на системных коррупционных проявлениях, проникновение радикальной религиозной идеологии, востребованной среди части населения.

Список источников *

1. Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 13–22.
2. Рамазанов Т.Б. Проблемы преступности в Республике Дагестан (теория и практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Махачкала, 2001. С. 76–141.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историческом освещении. Т. 2. М., 1886. С. 54–55.

* Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2022. М., 2022. С. 14.

4. *Гладышев Ю.А.* Антропологические теории в криминологии о причинах преступности // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 130–132.
5. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 7–38.
6. *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 54–79.
7. *Мацкевич И.М.* Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 10–18.
8. *Причины преступности в России: монография / отв. ред. Ю.М. Антонян.* М., 2013. С. 9–17.
9. *Эминов В.Е.* Причины преступности в России. М., 2022. С. 11–24.
10. *Аванесов Г.А.* Преступность и социальные сословия: криминологические рассуждения. М., 2017.
11. *Бочкарева Е.В.* Феномен самодетерминации преступности: монография. М., 2021. С. 5–28.
12. *Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 84–85.
13. *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., 2021.
14. *Кузнецова Н.Ф., Осипенко О.В.* Борьба с нетрудовыми доходами – основное направление утверждения социальной справедливости // Утверждение социальной справедливости: криминологический и уголовно-правовой аспекты. Иваново, 1989. С. 20–31.
15. *Волженкин Б.В.* Детерминистическая концепция преступного поведения // Советское государство и право. 1971. № 2. С. 82–87.
16. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39–40.
17. *Шестаков Д.А.* Возвращение криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2. С. 88–98.
18. *Номоконов В.А.* Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 247–257.
19. *Шестаков Д.А.* От преступноведческой теории причинности к изменению Конституции (на примерах России и Казахстана) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3. С. 15–20.
20. *Рывкина И.В.* Социальные болезни в современной России (публицистическое исследование). М., 2011.
21. *Федотов А.А.* Социальное неравенство и уровень преступности: межрегиональный характер // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 3. С. 34–37.
22. *Алиева А.Б.* Меры по борьбе с коррупцией в Республике Дагестан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 161–163.
23. *Шедий М.В.* Коррупционализация власти как фактор деформации государственного управления // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 68–84.
24. *Алиев Х.О.* К вопросу о противодействии коррупции в Дагестане // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 72–74.
25. *Мусаев А.М.* Организованная экономическая преступность: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003.
26. *Киясханов Х.Ш., Бецков А.В.* К вопросу о декриминализации современной Республики Дагестан // Бизнес в законе. 2014. № 2. С. 247–250.
27. *Савенко Г.П.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические предпосылки и региональная специфика: дис. ... канд. истор. наук. М., 2008.
28. *Батагова Л.Х.* Терроризм на Северном Кавказе: исторические выводы и поиски адекватных ответов: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2010.
29. *Магаррамов М.Д., Омаров А.А., Курбанов М.А.* Латентная преступность сквозь призму истории функционирования правового государства // Известия ДГПУ. 2016. Т. 10, № 3. С. 10–15.
30. *Нахибашев З.М.* Межэтническое и межконфессиональное развитие дагестанского общества в современных условиях: особенности и специфика развития // Известия ДГПУ. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2018. Т. 12, № 2. С. 18–21.
31. *Бахшалиева А.Н.* Перспективы социально-экономического развития Республики Дагестан // Colloquium-journal. 2020. № 4. С. 80–83.
32. *Вендина О.И.* Дагестан: традиция как условие модернизации // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 3. С. 127–164.

References

1. *Shestakov D.A.* Osnovy ucheniya o protivodeistvii prestupnosti [Fundamentals of the doctrine of countering crime]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2019, no. 2, pp. 13–22. (In Russ.).
2. *Ramazanov T.B.* Problemy prestupnosti v Respublike Dagestan (teoriya i praktika) [Problems of crime in the Republic of Dagestan (theory and practice)]: Doct. Law sci. diss., Makhachkala, 2001, pp. 76–141. (In Russ.).

3. Kovalevskii M.M. Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii [Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical and comparative coverage], vol. 2. Moscow, 1886, pp. 54–55. (In Russ.).
4. Gladyshev Yu.A. Antropologicheskie teorii v kriminologii o prichinakh prestupnosti [Anthropological theories in criminology on the causes of crime]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]*, 2012, no. 6, pp. 130–132. (In Russ.).
5. Kuznetsova N.F. Prestuplenie i prestupnost' [Crime and criminality]. Moscow, 1969, pp. 7–38. (In Russ.).
6. Sakharov A.B. O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti v SSSR [On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR]. Moscow, 1961, pp. 54–79. (In Russ.).
7. Matskevich I.M. Filosofiya bor'by s prestupnost'yu [Philosophy of combating crime]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, 2017, no. 7, pp. 10–18. (In Russ.).
8. Prichiny prestupnosti v Rossii: monografiya [The causes of crime in Russia: monograph], ed. Yu.M. Antonyan. Moscow, 2013, pp. 9–17. (In Russ.).
9. Eminov V.E. Prichiny prestupnosti v Rossii [The causes of crime in Russia]. Moscow, 2022, pp. 11–24. (In Russ.).
10. Avanesov G.A. Prestupnost' i sotsial'nye sosloviya: kriminologicheskie rassuzhdeniya [Crime and social classes: criminological reasoning]. Moscow, 2017. (In Russ.).
11. Bochkareva E.V. Fenomen samodeterminatsii prestupnosti: monografiya [The phenomenon of self-determination of crime: monograph]. Moscow, 2021, pp. 5–28. (In Russ.).
12. Kudryavtsev V.N. Prestupnost' i nrvy perekhodnogo obshchestva [Crime and mores of transitional society]. Moscow, 2002, pp. 84–85. (In Russ.).
13. Gilinskii Ya.I. Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya) [Criminology of postmodern (neocriminology)]. St. Petersburg, 2021. (In Russ.).
14. Kuznetsova N.F., Osipenko O.V. Bor'ba s netrudovymi dokhodami – osnovnoe napravlenie utverzhdeniya sotsial'noi spravedlivosti [The fight against unearned incomes is the main direction of the assertion of social justice]. *Utverzhdenie sotsial'noi spravedlivosti: kriminologicheskii i ugolovno-pravovoi aspekty [Affirmation of social justice: criminological and criminal-legal aspects]*. Ivanovo, 1989, pp. 20–31. (In Russ.).
15. Volzhenkin B.V. Deterministicheskaya kontseptsiya prestupnogo povedeniya [Deterministic concept of criminal behavior]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*, 1971, no. 2, pp. 82–87. (In Russ.).
16. Dyurkgeim E. Norma i patologiya [Norm and pathology]. *Sotsiologiya prestupnosti [Sociology of crime]*. Moscow, 1966, pp. 39–40. (In Russ.).
17. Shestakov D.A. Vozvrashchenie kriminologicheskoi teorii prichinnosti [The return of the criminological theory of causality]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2015, no. 2, pp. 88–98. (In Russ.).
18. Nomokonov V.A. Prichiny prestupnosti v sovremennoi Rossii: problema obostryaetsya [The causes of crime in modern Russia: the problem is getting worse]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Journal of Criminology]*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 247–257. (In Russ.).
19. Shestakov D.A. Ot prestupnostivedcheskoi teorii prichinnosti k izmeneniyu Konstitutsii (na primerakh Rossii i Kazakhstana) [From the criminological theory of causality to the change of the Constitution (on the examples of Russia and Kazakhstan)]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2017, no. 3, pp. 15–20. (In Russ.).
20. Ryvkina I.V. Sotsial'nye bolezni v sovremennoi Rossii (publitsisticheskoe issledovanie) [Social diseases in modern Russia (journalistic research)]. Moscow, 2011. (In Russ.).
21. Fedotov A.A. Sotsial'noe neravenstvo i uroven' prestupnosti: mezhregional'nyi kharakter [Social inequality and crime rate: interregional character]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [Economics and Business: theory and practice]*, 2019, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).
22. Alieva A.B. Mery po bor'be s korruptsiei v Respublike Dagestan [Measures to combat corruption in the Republic of Dagestan]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]*, 2015, no. 1, pp. 161–163. (In Russ.).
23. Shedii M.V. Korruptsionalizatsiya vlasti kak faktor deformatsii gosudarstvennogo upravleniya [Corruption of power as a factor of deformation of public administration]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Bulletin of State and Municipal Administration]*, 2015, no. 2, pp. 68–84. (In Russ.).
24. Aliev Kh.O. K voprosu o protivodeistvii korruptsii v Dagestane [On the issue of combating corruption in Dagestan]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2019, no. 2, pp. 72–74. (In Russ.).
25. Musaev A.M. Organizovannaya ekonomicheskaya prestupnost': po materialam Respubliki Dagestan [Organized economic crime: based on the materials of the Republic of Dagestan]: Cand. Law sci. diss., Makhachkala, 2003. (In Russ.).

26. *Kilyashkanov Kh.Sh., Betskov A.V.* K voprosu o dekriminalizatsii sovremennoi Respubliki Dagestan [On the issue of decriminalization of the modern Republic of Dagestan]. *Biznes v zakone [Business in Law]*, 2014, no. 2, pp. 247–250. (In Russ.).
27. *Savenko G.P.* Terrorizm na Severnom Kavkaze: istoricheskie predposylki i regional'naya spetsifika [Terrorism in the North Caucasus: historical background and regional specifics]: Cand. Historical sci. diss. Abstr. Moscow, 2008. (In Russ.).
28. *Batagova L.Kh.* Terrorizm na Severnom Kavkaze: istoricheskie vyvody i poiski adekvatnykh otvetov [Terrorism in the North Caucasus: historical conclusions and the search for adequate answers]: Cand. Historical sci. diss. Abstr. Moscow, 2010. (In Russ.).
29. *Magarramov M.D., Omarov A.A., Kurbanov M.A.* Latentnaya prestupnost' skvoz' prizmu istorii funktsionirovaniya pravovogo gosudarstva [Latent crime through the prism of the history of the functioning of the rule of law]. *Izvestiya DGPU [News of the DSPU]*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 10–15. (In Russ.).
30. *Nakhibashev Z.M.* Mezhetnicheskoe i mezhekfessional'noe razvitie dagestanskogo obshchestva v sovremennykh usloviyakh: osobennosti i spetsifika razvitiya [Interethnic and interfaith development of Dagestan society in modern conditions: features and specifics of development]. *Izvestiya DGPU. Seriya "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki" [News of the DSPU. The series "Social and Humanitarian Sciences"]*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 18–21. (In Russ.).
31. *Bakhshalieva A.N.* Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Dagestan [Prospects of socio-economic development of the Republic of Dagestan]. *Colloquium-journal [Colloquium-journal]*, 2020, no. 4, pp. 80–83. (In Russ.).
32. *Vendina O.I.* Dagestan: traditsiya kak uslovie modernizatsii [Dagestan: tradition as a condition of modernization]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii [Nauka. Innovation. Technologies]*, 2016, no. 3, pp. 127–164. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаджиев Даци Магомедович, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Дагестан, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, заслуженный работник образования и науки РАО, действительный государственный советник Республики Дагестан 1 класса (в отставке). E-mail: dmgadzhiev@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.11.2022 г.; одобрена после рецензирования 19.11.2022 г.; принята к публикации 28.11.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gadzhiev Datsi Magomedovich, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Dagestan, Associate Professor of the Department of Criminal Law and State Legal Disciplines of the Dagestan State University of National Economy, Honored Worker of Education and Science of the RAE, Full State Councilor of the Republic of Dagestan 1st class (retired). E-mail: dmgadzhiev@yandex.ru

Received 09.11.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.